

МОТИВ БУДДИЙСКОГО ХРАМА В ЭПОСЕ¹

В статье рассматривается мотив буддийского храма в бурятской Гэсэриаде. Появление в бурятских устных эпических произведениях более поздних буддийских мотивов свидетельствует о непрекращающихся этнокультурных процессах и вбирании эпосом новых духовных ценностей, которые стали реальными с распространением и принятием буддизма.

Ключевые слова: эпос; улигер; мотив; буддизм; дацан.

Ayusheeva Erzhena Bairovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

MOTIVE OF THE BUDDHIST TEMPLE IN EPOS

In the article the motive of the Buddhist temple in the Buryat Epic of Geser is considered. The appearance of later Buddhist motifs in Buryat epic works testifies to the ongoing ethno-cultural processes and the inclusion of new spiritual values in the epic that became real with the spread and acceptance of Buddhism.

Keywords: epos; uliger; motif; Buddhism; datsan.

Буддизм, являющийся важным религиозно-идеологическим и культурным фактором на территории Центральной Азии, наложил заметный отпечаток на многие стороны духовной и культурной жизни монгольских народов. Причина широкого распространения буддизма и его популярности в том, что буддизм как религия в новом пространстве вбирал в себя местные мифо-религиозные традиции, адаптировал в своей культовой системе ритуалы, которые сложились у народа к периоду его появления [Жуковская, 1978, с. 24]. Лояльные культовые практики буддизма органично вписывались в местную систему сложившейся религиозной картины, при этом не исключая исконные догматы, а дополняя их, привнося в них новое, не создавая конфликта.

Отражение буддийского мировоззрения, проявлений буддийской идентичности фольклорных персонажей, в первую очередь, эпических героев, описание предметов буддийского культа, возведение эпическими персонажами буддийских культовых сооружений, дацанов, прочих объектов архитектуры, появление буддийских священнослужителей – лам – в фольклорных текстах, в частности в эпосе, представляет собой интересную тему для исследования.

Бурятская эпическая традиция с точки зрения влияния на нее буддийской религии является неоднородной. По словам С. А. Урбанаевой, бурятская мифология как органичная часть древней общемонгольской культуры в большинстве своем сохранила древний пласт тенгрианского мировоззрения, свойственный тюрко-монгольским цивилизациям, существование которых исчисляется тысячелетиями [Урбанаева, 1996, с. 128]. При всей своей первобытности и архаичности бурятские улигеры все же в разной степени подверглись буддийскому влиянию. «Ламская» редакция многих из этих произведений была порой настолько искусной, что практически не задевала традиционной основы эпического произведения. Построение сюжета кардинальным образом не менялось, в текст эпического произведения вплетались буддийские элементы, которые придавали ему иную идеологическую окраску и направленность.

Одним из таких мотивов является мотив буддийского храма. Данный мотив как инвариант имеет мно-

жество конкретных вариантов в разных версиях бурятского эпоса: мотив ханского жилища, ассоциирующегося с буддийским культовым сооружением субурганом, мотив возведения храма Гэсэром или по его указанию. Кроме того, в некоторых вариантах бурятской Гэсэриады встречаем достаточно подробное описание храма для моления (вариант Б. Жатухаева). Но все же частотность данного мотива в бурятской Гэсэриаде несравнимо ниже, чем в монгольском варианте эпоса о Гэсэре, представляющем книжный эпический текст.

Эхирит-булагатский вариант Гэсэриады признан в научной среде наиболее архаичным, поскольку именно архаическая традиция, восприняв сюжет Гэсэриады, развивала его в своей среде. В эхирит-булагатском улигере «Абай Гэсэр-хубун» [Абай Гэсэр-хубун, 1961], описание злато-серебряного дворца, который тысяча бурханов по просьбе Гэсэра спускают вслед за ним на землю, а также дворец, возводимый Гэсэром супруге Санхан Гохон-духэй с детьми, ограничивается лишь указанием на его красоту и роскошь и не испытывает явного буддийского влияния [Абай Гэсэр-хубун, 1961, с. 125–127]. Незначительные буддийские вкрапления все же в эхирит-булагатском улигере встречаются, но мотив буддийского храма нами не обнаружен. Описание дворца Гэсэра также не содержит буддийских элементов.

В унгинском улигере «Абай Гэсэр» [Абай Гэсэр, 1960], записанном от сказителя П. Петрова, жилое сооружение представляет собой юрту невиданного совершенства / невиданной красоты / прекрасное сокровище (*үзэлэнги хайхан / үзэлэнги гоё / эрдэни хайхан*). Стоит отметить, что в этом варианте появляется дацан, как культовое буддийское сооружение, возведенное ламой для религиозных практик [Абай, Гэсэр, 1960, с. 213]. Дацан возникает во сне Урмай Гохон, жены героя-богатыря. А великий даянша-лама, якобы отправленный небожителями, является оборотнем Лобсогая Черного мангадхая, одного из противников Гэсэра. Неоднозначное восприятие мотива буддийского храма в сказительском варианте П. Петрова имеет свои причины, которые являются прямым отражением общественного развития и мифо-религиозного мышления бурят на данном этапе исторической действительности.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4 «Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика», № AAAA-A17-117021310268-2).

Мотив буддийского сооружения встречается также в варианте Б. Жатухаева на первых страницах рукописи. Храм для молений (*мургэли хүмэ*) в дворцовом комплексе верховного небожителя Хан Тюрмас тэнгрия, небесного отца Гэсэра, описан с достоверной точностью. Учтены многие архитектурные особенности культового здания и буддийская атрибутика. На верхнем этаже буддийского храма горят днем и ночью сто восемь свечей – символ буддийского учения. Именно здесь каждое полнолуние появляется Бурхан-отец (Будда). Второй этаж предназначен для спускающихся с небес бурханов, имеющих тысячелетний возраст, тогда как нижний этаж отведен прародительнице западных тэнгриев бабушке Манзан Гурмэ, в тексте улигера являющейся матерью Хан Тюрмаса [Абай Гэсэр. РО ИМБит СО РАН. Инв. № 2510. С. 7–8]. Наличие в эпосе столь подробного трафаретного описания буддийского храма в данном варианте Гэсэриады, по всей видимости, связано с поздней записью улигера из уст сказителя Б. Жатухаева. Функционировавший продолжительное время в устной форме текст эпического произведения, естественно, вбирал в себя новые элементы духовной культуры носителя текста – улигершина Бажея Жатухаева. Ко времени записи текста улигера много буддийских мотивов оказались вплетены в ткань эпоса и уже устоялись в сказительской манере сказителя. То же самое наблюдаем и в монгольской Гэсэриаде, где достаточно подробно описывается возведение храма Хоншим бодхисаттвы по поручению Гэсэра [Гэсэр, 1986]. В разных версиях ойратского героического эпоса «Джангар» ханская ставка также оказывается похожей на буддийскую ступу или монастырь [Бурыкин, 2003].

При анализе стадийно разных вариантов бурятской Гэсэриады, наблюдаем порой существенную разницу не только в характере описаний предметов буддий-

ского культа, характеристике эпических персонажей, получивших впоследствии буддийское звучание, но и в частности буддийских мотивов. Это объясняется неоднородностью общественно-политического и культурного развития тех ареальных областей, на территории которых бытовал эпос, в период распространения буддийского вероучения на территории Центральной Азии.

Сходство эпических традиций разных монгольских народов Н. Н. Поппе объясняет спецификой этнополитической ситуации в Центральной Азии и Южной Сибири в XIV–XVII вв., т.е. как раз в период формирования монгольского эпоса в его нынешнем состоянии. По словам Н. Н. Поппе, описания дворца героя, воспроизводящего архитектуру буддийского монастыря и одновременно кочевой юрты, равно как и описания его вооружения, коня, одежды, а также его самого относятся к так называемым «общим местам» монгольских эпических произведений [Поппе, 1937, с. 99–104, 106–107]. Поппе отмечает сходство трафаретных эпических описаний (в частности, дворца) в халхаских, ойратских и бурятских традициях, отражающее соответствующие фольклорные связи.

Наличие в бурятских улигерах достаточного количества буддийских мотивов вызывает особый интерес, поскольку бурятская эпическая традиция признается исследователями в наибольшей степени сохранившей свою архаическую основу. Возможно, некоторые из них можно считать следами индо-тибетской культуры, пришедшей в бурятскую эпическую традицию на ранних этапах развития ее развития. Появление в ткани эпических произведений более поздних буддийских мотивов свидетельствует о непрекращающихся этнокультурных процессах, отражающихся в эволюции эпоса, о вбирании им всех новых проявлений духовной жизни народа, которые стали реальными с принятием буддизма.

Литература

- Абай Гэсэр: Эпопея: (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомина; Вступ. ст. А. Уланова; АН СССР. Сиб. отд-ние. БКНИИ. Улан-Удэ, 1961. 231 с.
- Абай Гэсэр. Сказитель П. Петров, зап. И. Н. Мадасона. Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1960. 314 с.
- Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 449 с.
- Бурыкин А. А. Почему в Малодербетовской версии «Джангара» ханская ставка похожа на буддийскую ступу? (еще раз к проблеме мотивов изобразительного искусства в «Джангаре») // Буддийская культура и мировая цивилизация: материалы третьей российской науч. конф. Элиста, 2003. С. 69–72.
- Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пб. – М.: Гос. изд., 1923. 254 с.
- Жуковская Н. Л. Народные верования монголов и буддизм (о специфике монгольского ламаизма) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 24–36.
- Поппе Н. Н. Халха-монгольский героический эпос. М.; Л.: Изд-во АН СССР 1937. 125 с.
- Урбанаева И. С. Шаманизм монгольского мира как выражение тэнгрианской эзотерической традиции Центральной Азии // Центральноазиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные, экологические аспекты: материалы междунар. науч. симпозиума, 20–26 июня 1996 г., Улан-Удэ – оз. Байкал. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. С. 48–65.